

Чешское свидѣтельство XIV вѣка

о

русскомъ металлическомъ производствѣ.

Во всѣ періоды своего историческаго существованія русская земля была страной съ преобладающимъ развитіемъ добывающей промышленности и поставщицей сырыхъ произведеній на иноземные рынки. Составитель нашей первоначальной лѣтописи влагаетъ въ уста князя Святослава слѣдующія слова, характеризующія древне-русскую торговлю: „Не любо ми есть, — говорилъ князь, — въ Кіевѣ быти, хощу жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середѣ въ земли моей, яко ту вся благая сходятся — отъ Грекъ злато, паволоки, вина, оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же отъ Угръ сребро и комони, изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь“¹⁾. Кромѣ воска, меда и мѣховъ, этихъ издавнихъ русскихъ товаровъ, въ послѣдствіи изъ Новгорода вывозили въ Западную Европу и другое сырье, а именно: ленъ, коноплю, холстъ, паклю, пшеницу и другой хлѣбъ, сало, кожи и т. д.²⁾.

Насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не отыскано ни одного свидѣтельства о вывозѣ изъ Руси въ страны Западной Европы предметовъ русской обрабатывающей промышленности. Напротивъ, мы располагаемъ массой указаній на то, что такого рода товары были привозимы изъ-за границы. Такъ, напр., изъ Византіи русскіе получали паволоки, дорогіе сосуды,

1) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 28. Лѣтопись по Ипатскому списку (Спб., 1871), стр. 43—44.

2) Н. Аристовъ, Промышленность древней Руси (Спб., 1866), стр. 203.

богатыя одежды, ковры, сукна, священныя одежды, иконы и т. д. ¹⁾. На рынкахъ Азова и Судака русскіе на мѣхъ вымѣнивали бумажныя и шелковыя ткани италіанскаго и восточнаго производства. Изъ Азіи русскіе приобрьтали золотыя и серебряныя вещи, какъ-то: блюда, цѣпочки, запястья, кольца, булавки, пугови, бляхи для украшенія одежды и конской сбруи, оружіе и булатныя издѣлія. Изъ странъ Западной Европы при посредничествѣ нѣмецкихъ купцовъ доставляемы были сукна разнаго рода, салфетки, перчатки, нидерландскія и вестфальскія полотна, нѣмецкія и любекія иголки, стекло, оружіе и т. д. ²⁾.

При существованіи такихъ установившихся воззрѣній на характеръ торговли и промышленности древней Руси, приобрьтаетъ въ глазахъ изслѣдователя важное значеніе всякое извѣстіе о вывозѣ въ Западную Европу предметовъ русской обрабатывающей промышленности, такъ какъ, дополняя въ извѣстномъ отношеніи наши свѣдѣнія о древнемъ русскомъ бытѣ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ доказательствомъ недостаточности нашихъ источниковъ, каковыми преимущественно являются древнія лѣтописи и житія.

Извѣстный знатокъ чешской средневѣковой палеографіи, проф. Іос. Эмлеръ, девять лѣтъ тому назадъ издалъ въ „Вѣстникѣ Королевскаго Чешскаго Общества наукъ“ отрывокъ инвентаря Брѣновскаго монастыря ³⁾. Въ печатномъ видѣ изданный памятникъ вмѣщается всего только на 25 страницахъ in-octavo. По мнѣнію проф. Эйлера, рукопись была изготовлена въ послѣднихъ годахъ XIV вѣка или въ самомъ началѣ слѣдующаго. При составленіи рукописи, въ основу были положены за-

1) Аристовъ, стр. 184—185.

2) Аристовъ, стр. 187, 190, 197, 203—204.

3) Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394 въ журналѣ Věstník král. české spol. nauk (Sitzungsberichte der königl. böhm. Gesellschaft d. Wissenschaften), Ročník 1888 (V Praze 1889), Třída filos.-histor., str. 280—305.

мѣтки или записи, собранныя въ одно цѣлое по желанію аббата Дивиша (1385—1408). По содержанію инвентарь представляетъ перечень книгъ, грамотъ, церковной утвари и хозяйственныхъ вещей, принадлежавшихъ Бревновскому монастырю, его двумъ скитамъ (Полицкому и Брумовскому)¹⁾ и фарнымъ или приходскимъ церквамъ, приписаннымъ къ монастырю. Такіе приписные приходы или фары Бревновскаго монастыря находились въ слѣдующихъ селахъ: Либоцѣ, Сиркынѣ, Цвиковѣ, Незамыслицахъ, Костельцѣ, Хцебуцѣ и Бривѣ²⁾. Начало рукописи не сохранилось, а потому изданъ только ея конецъ, содержащій инвентарь имущества церквей въ Незамыслицахъ, Костельцѣ, Хцебуцѣ и Бривѣ. Составленіе записей для каждой церкви происходило при перемѣщеніи настоятелей или назначеніи новыхъ. Когда одинъ изъ членовъ монастырской корпораціи, братъ Вацлавъ, былъ перемѣщенъ настоятелемъ въ Костелецъ, а на его мѣсто былъ назначенъ братъ Янъ, по прозванію Единачекъ, то составлена была 27 января 1393 года перепись движимаго имущества, принадлежавшаго

1) Бревновскій Бенедиктинскій монастырь былъ самымъ древнимъ въ Чехіи: освященіе его произошло 14 января 993 года. Въ началѣ XIII вѣка, при аббатѣ Куно, монастырь приобрѣлъ Полицкій и Брумовскій уѣзды, лежащіе на самомъ востокѣ Чехіи, на границѣ съ Силезіей. Тогда же въ Полицѣ основанъ былъ скитъ (probošství). Другой такой скитъ былъ заложенъ въ Брумовѣ аббатомъ Бревновскимъ Баворомъ въ 1322 г. См. Tomek, Dějepis města Prahy (dr. vyd. 1892), d. I, str. 83, 163, 436.

2) Первые три церкви были присоединены епископомъ Іоанномъ IV въ 1318 году, а послѣднія въ 1341 году (Tomek, d. I, str. 438). Присоединеніе къ монастырю церквей или инкорпорированіе ихъ заключалось въ томъ, что настоятелями такихъ церквей назначаемы были члены монастырской корпораціи, а доходы, оставшіеся за удовлетвореніемъ потребностей настоятелей, поступали въ пользу монастыря. Епископъ Іоаннъ IV, присоединяя къ Рудницкому монастырю нѣкоторыя церкви, высказывался при этомъ въ своей грамотѣ такъ: *plurima incommoda et expensarum onera sustinere cogatur . . . ne per inmoderati oneris gravitatem posset in eo profectus monastici ordinis impediri — ecclesias parochiales, scilicet in . . . eidem monasterio auctoritate ordinaria incorporamus . . . in jus et proprietatem prefati monasterii — et ipsas — tam in spiritualibus quam temporalibus in totam subicimus . . . fratres seu canonicos sui monasterii in eisdem ecclesiis libere instituere et destituere.* См. Diplomatař kláštera v Roudnici, изданный проф. Эмлеромъ въ журн. Věstník král české spol. náuk, Ročník 1893 (V Praze, 1894), číslo XVII, str. 7—8.

Незамыслицкой церкви, а четыре дня позже и — Костелецкой. 1 августа того же года по той же причинѣ составили инвентарь Хцебуцкой, а 4-аго августа и Бриввицкой церковей¹⁾. Составленіе всѣхъ этихъ записей обуславливалось, вѣроятно, любовью къ порядку и точности аббата Дивиша, который былъ виновникомъ составленія и урбаря Бревновскаго монастыря²⁾.

Отрывокъ инвентаря написанъ средневѣковымъ латинскимъ языкомъ, но обильно уснащенъ славяно-чешскими словами, какъ-то: *Primo vasa pro cervisia, que dicuntur studwe, 13... Item duo cippi ferrei et una flasca... Item duo smetane seu abiecte... Item duo cliny ferrei... Item 8 vomeres minores, qui dicuntur naradlnyky... et una brana ferrea... Item rethe pro avibus unum et rukawnyk secundum... Item krupicze 1/2 tina... Primo ssynow 16 et 2 motiki... et pomecz... Item 5 currus ferrati integri pro robota... Item brany ferree 3 et 7 sere... Item de ordeo tres wrstwy... Item kossyny pro fimo duplices... Item strhadlo... Item pytlyky 4^{or}... Item unus pytlowar... Item unus hoblyk... Item unus wor... Item dno sypnye... Item tres trlicze pro stuppa... Item strhadlo³⁾.*

Въ этомъ памятникѣ чешскаго происхожденія въ той его части, которая составлена была 1 августа 1393 года, находится свидѣтельство о русскомъ металлическомъ производствѣ и торговлѣ. Въ описи вещей Хцебуцкой церкви⁴⁾ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: *Item tres sere ferree wlgariter ruskey*, т. е. „три желѣзные замка, въ про-

1) Подробности о характерѣ и составѣ рукописи инвентаря Бревновскаго монастыря сообщены проф. Эмлеромъ въ предисловіи къ изданію, стр. 280—282.

2) *Registrum bonorum monasterii Brzewnowiensis anno MCCCCVI^o conscriptum* напечатанъ Эмлеромъ же въ изданіи *Decem registra censuum bohemia (v Praze 1881), p. 151—218.*

3) См. *Věst. král. české spol. náuk, Ročník 1888, str. 289--292, 303—305.*

4) Село, называемое *Chcezebuz* или *Choczzebuz* по латыни, *Chzezebuz* по-чешски и *Zebus* по-нѣмецки, въ 40-хъ годахъ нынѣшняго вѣка входило въ составъ имѣнія Либехова Литомерицкаго края, издавна подвергнувшагося онемеченію (*Palacký, Popis království českého, str. 76*). Это село отно-

сторѣчій называемые русскими“. Такимъ образомъ, въ данномъ свидѣтельствѣ мы имѣемъ указаніе или на замки русскаго производства, или на такіе, которые, можетъ быть, были сработаны и въ самой Чехіи, но по заимствованнымъ изъ Руси образцамъ.

Сомнѣнія въ правильности чтенія рукописи въ данномъ мѣстѣ не можетъ быть, такъ какъ издателемъ является проф. Эмлеръ, первый знатокъ въ области чешской палеографіи, извѣстный своими изданіями средневѣковыхъ памятниковъ. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что издатель отнесся съ особеннымъ вниманіемъ къ данному тексту. Это видно изъ того, что онъ считалъ необходимымъ сдѣлать объясненіе и ссылку такого рода: V pražs. knize Misc. č 17 fol. K, 22 k r. 1460 vyčítají se v pozůstalosti Iana Chalupy „zamky tři ruské“¹⁾. Этой послѣдней справкой Эмлеръ обязанъ доктору Винтеру, извѣстному знатоку культурной исторіи средневѣковыхъ чешскихъ городовъ. Къ нему, повидимому, обращался самъ издатель инвентаря Бревновскаго монастыря, заинтересованный оригинальнымъ и рѣдкимъ указаніемъ на употребленіе въ Чехіи русскихъ замковъ.

Установивши фактъ несомнѣнной подлинности свидѣтельства, мы можемъ перейти къ критической его оцѣнкѣ.

Наши историки относятся съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ тѣмъ текстамъ, въ которыхъ находятся указанія на русскія сношенія съ странами Западной Европы, и склонны иногда относить ихъ на долю Угорской Руси. Говоря о томъ, что „въ началѣ X вѣка русскіе купцы проходили съ своими телѣгами черезъ Чехію на берега Дуная и продавали баварцамъ лошадей и невольниковъ“, Бестужевъ-Рюминъ въ скобкахъ ставитъ вопросъ: „не были ли это Угорскіе Русскіе?“ а въ примѣчаніи приводитъ отысканное Погодинымъ свидѣтельство

сится къ числу наиболѣе древнихъ владѣній Бревновскаго монастыря (Erben, Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae, pars I, p. 33—34). Съ Хцебуцкой церкви Бревновскій монастырь получалъ 2 копы дохода (Emler, Decem registra, p. 175, 215).

1) См. Věst. král. české spol. náuk, Ročník 1888, str. 303.

грамоты Леопольда Австрійскаго отъ 1190 года: *Ruzarii quocunque tempore vadant (in Russiam), duo talenta solvant, et in reditu ex Ruzia, dimidium talentum*, — свидѣтельство, имѣвшее въ виду дѣйствительно, какъ можно думать, кушцовъ изъ Угорской Руси, граничившей съ областью Австрійскаго герцога¹⁾. Нельзя ли также и въ данномъ случаѣ упомянутые въ нашемъ памятникѣ русскіе замки считать издѣліями Угорской Руси? Въ самомъ дѣлѣ, по замѣчанію одного изслѣдователя, русскіе въ XIII вѣкѣ часть свинца получали изъ рудниковъ городка Родна, въ нынѣшнемъ Быстрицкомъ округѣ, на границѣ Трансильваніи и Буковины, а изъ Трансильваніи шло также и желѣзо²⁾.

Въ данномъ случаѣ мы не можемъ видѣть свидѣтельства, относящагося къ Угорской Руси. Прежде всего, позволительно усомниться въ томъ, чтобы Угрія вообще была особенно богата въ XIV вѣкѣ добычей желѣза. По крайней мѣрѣ, желая способствовать развитію горнаго дѣла въ Австріи, а потому запрещая въ 1371 году ввозъ желѣза изъ Чехіи и Баваріи, герцогъ Альбрехтъ Австрійскій не считалъ, очевидно, необходимымъ примѣнять эту мѣру по отношенію къ Угріи³⁾. Кромѣ того, самый фактъ ввоза въ Россію нѣкоторой части Трансильванскаго желѣза является косвеннымъ указаніемъ на развитіе кузнечнаго дѣла на Руси и малый спросъ на необдѣланное желѣзо въ самой Трансильваніи.

Хотя русскіе, какъ было на это указано выше, получали много металлическихъ издѣлій и оружія изъ Западной Европы и Востока, но эти заграничныя вещи были, вѣроятно, въ употребленіи у князей и высшихъ классовъ населенія, а „большая часть народа пробавлялась, — по замѣчанію одного ученаго, — своими желѣзными издѣліями“⁴⁾. Спросъ на боевые

1) Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, т. I, стр. 261.

2) М. Д. Хмыровъ, Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи (Спб. 1875), стр. 71.

3) Ferd. Tadra, Kulturní styky Čech s cizinou (V Praze, 1897), str. 46; Urkundb. d. L. ob d. Enns VIII, 523.

4) Аристовъ, стр. 116.

доспѣхи въ XIII—XIV вѣкахъ на Руси былъ столь значителенъ, что не могъ удовлетворяться привозными издѣліями, а неизбѣжно долженъ былъ вызвать развитіе мѣстнаго производства¹⁾. Матеріала для желѣзнаго дѣла было довольно. Кромѣ древней болотной руды Устюжны-Желѣзнопольской, кромѣ открытой промышленными новгородцами въ XIV вѣкѣ желѣзной руды въ Неноксѣ, на берегахъ Бѣлаго моря, существовали руды почти повсемѣстно на Руси, а нѣкоторыя изъ нихъ были разрабатываемы еще со скифской поры. По замѣчанію Хмырова, извѣстіе первоначальной лѣтописи, что хазары требовали отъ полянъ дань мечами, является весьма правдоподобнымъ, вопреки мнѣнію Карамзина и Костомарова, такъ какъ въ сѣверной части Кіевской и восточной части Волинской губерній встрѣчается не мало рудъ²⁾. О значительномъ развитіи желѣзнодорожнаго промысла свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что древнѣйшему русскому языку извѣстны названія желѣзныхъ орудій, предметовъ и издѣлій земледѣльческихъ: лемеха, рала, косы, серпа; плотнично-столярныхъ: пилы, долота, сверла, тесла; кузнечныхъ: наковальни, молота, клещей; кухонныхъ: котла, тренога или тагана, сковороды, прѣна (солеварная сковорода); домашняго хозяйства: топора или сѣкиры, ножа и ножницъ, заступа (онъ же: рогалія, мотыка, лыскарь), косаря, гвоздя, шила, удочки, замка, желѣзъ (цѣпей); оружія: меча, сабли, копья (онъ же: луцъ, сулица, ослопъ, совень), рогатины, кончары, щита, шелома (онъ же прилбица), брони, кольчуги, панорзей или паперсей (родъ латъ), лука и стрѣлъ³⁾.

Трудно сказать, насколько былъ правъ Аристовъ и на чемъ собственно онъ основывался, позволяя себѣ высказать о развитіи кузнечнаго дѣла въ Кіевѣ слѣдующее: „Кузнецы

1) Когда въ 1270 году великій князь Ярославъ угрожалъ Новгороду, и пригониша сторожи Ярославли мало не до Городища, и выидоша весь градъ въ оружіи. отъ мала и до велика, къ Городищу“. (Новгородская первая лѣтопись, стр. 62).

2) Хмыровъ, стр. 12, 32—33, 82.

3) Аристовъ, стр. 112—115.

русскіе существовали въ Кіевѣ уже въ XII стол. и составляли особый классъ мастеровыхъ; они имѣли кузницы около городскихъ воротъ, которыя поѣтому и назывались кузнечими“¹⁾, но существованіе въ ту пору кузнецовъ въ Курскѣ засвидѣтельствовано нашими источниками: мать св. Ѳеодосія Печерскаго приказала заковать сына въ желѣза²⁾, а самъ Ѳеодосій „шедъ къ единому отъ кузнецъ и повелѣ ему желѣзо съчепато сковати, иже вземъ препояса имъ по чреслѣхъ своихъ“³⁾. Знаніе кузнечнаго дѣла было такъ распространено на Руси, что за издѣліе желѣзныхъ вещей брались иногда люди, не занимавшіеся спеціально мастерствомъ. Такъ, напр., преподобный Несторъ самъ дѣлалъ заступъ для раскопки могилы св. Ѳеодосія: „Азъ же пристроихъ семь дни рогаля, имже копати“⁴⁾.

Что касается въ частности замковъ, то они были въ ходу на Руси съ древнихъ временъ. Въ 1169 году Ѳеодорець велѣлъ „церкви вси Володимири затворити и ключѣ церковныя взя“⁵⁾. Святославъ Всеволодовичъ въ Вышгородѣ „приде ко отни гробницы, и хотѣ внити по обычаю; попови же отшедшию съ ключемъ“⁶⁾.

По словамъ одного спеціалиста, „желѣзное дѣло на Руси XIV вѣка, сравнительно съ прежнимъ, расширилось. . . Да и самое мастерство это въ теченіе XIV вѣка значительно улучшилось отъ вліянія татарскаго, которое, расширивъ русское вооруженіе того времени, сообщило предметамъ его лучшую степень отдѣлки“⁷⁾.

Теперь намъ остается выяснитъ, какимъ образомъ могли попасть русскія металлическія издѣлія въ далекую сравни-

1) Аристовъ, стр. 116.

2) Хмыровъ, стр. 51; Филаретъ (еписк. Харьков.), Житіе препод. отца нашего, игумена печерскаго, Ѳеодосія (Уч. Записки Имп. Ак. Наукъ, по II. отд., 1856, кн. II, отд. III, стр. 134).

3) Аристовъ, стр. 116, прим. 362.

4) Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 147.

5) Тамъ же, стр. 377.

6) Тамъ же, стр. 457.

7) Хмыровъ, стр. 83.

тельно Чехію. Указаніе на это можно найти въ тѣхъ свѣдѣніяхъ о чешско-русскихъ торговыхъ и культурныхъ сношеніяхъ, которыми мы располагаемъ, несмотря на отрывочность и скудость нашихъ источниковъ.

Среди многочисленныхъ женъ Владиміра Святого была чешка, отъ брака съ которой князь имѣлъ сына Вышеслава, княжившаго нѣкоторое время въ Новгородѣ¹⁾. Частицы мощей св. Бориса и Глѣба находились послѣ 1071 года въ чешскомъ Сазавскомъ монастырѣ, который былъ, повидимому, въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ русской славянской церковью. Въ 1148 году, при возвращеніи изъ крестоваго похода, по Черному морю и Днѣпру, король чешскій Владиславъ посѣтилъ Кіевъ; здѣсь его принималъ и угощалъ Кіевскій князь Изяславъ II. Въ грамотѣ папы Иннокентія IV упоминается объ отправленіи въ 1246 году, по желанію русскаго князя, двухъ доминиканскихъ монаховъ. Знаменитый чешскій король Оттокаръ II былъ женатъ на Кунгутѣ, дочери русскаго князя Ростислава²⁾.

Приводя эти ничтожныя данныя о чешско-русскихъ сношеніяхъ, мы убѣждены въ томъ, что для правильнаго сужденія объ интенсивности ихъ всегда нужно имѣть въ виду скудость нашихъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, принимая во вниманіе поразительное сходство нѣкоторыхъ русскихъ и чешскихъ народныхъ пѣсенъ, а равно и то обстоятельство, что славянскія житія такихъ чешскихъ святыхъ, какъ Іоаннъ, Людмила, Вацлавъ, сохранились только въ русскихъ спискахъ³⁾, — можно придти къ убѣжденію, что въ средневѣковую пору поддерживались живыя и непрерывныя культурныя сношенія между Русью и Чехіей. Въ частности имѣются также указанія и на торговыя сношенія. По свидѣтельству испанскаго еврея, Ибрагима

1) Иловайскій, Исторія Россіи (Москва 1876), т. I, стр. 75—76.

2) Ferd. Tadra, Kulturní styky, str. 119—150. Объ участіи Данила Романовича Галицкаго въ войнахъ венгровъ съ чехами см. Н. Дашкевича, Княженіе Данила Галицкаго (Кіевъ, 1873), стр. 98—102.

3) А. Н. Ясинскій, Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ (Кіевъ, 1895), стр. 10—12.

Ибнъ-Якуба, совершившаго около 965 года путешествіе по западно - славянскимъ землямъ, городъ Прага отстоялъ отъ Кракова на разстояніи трехъ недѣль пути и, представляя наиболѣе торговый городъ въ славянскомъ мірѣ, былъ усердно посѣщаемъ и русскими купцами. Въ письмѣ королевы Кунгуты, супруги короля Оттокара II, упоминается о дѣлѣ какого-то Опавскаго купца, который около 1270 года подвергся ограбленію въ Галичѣ. Въ 1350 году чешскіе купцы жаловались императору Карлу IV на Краковскихъ мѣщанъ, которые, вопреки древнему обычаю, чинили имъ затрудненія въ торговлѣ съ Русью и Пруссіей, требуя уплаты какихъ-то новыхъ мытъ и пошлинъ и преграждая имъ возможность пользоваться торговыми путями, къ явному ихъ вреду и съ нарушеніемъ имперскихъ правъ. Наконецъ, есть указаніе на то, что чешскіе купцы пріѣзжали въ города Ригу и Ревель, состоявшіе въ торговлѣ съ нашими русскими республиками, Псковомъ и Новгородомъ¹⁾.

*

*

*

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы позволяемъ себѣ утверждать, что русскіе замки, а также, можетъ быть, и другія металлическія издѣлія были отправляемы въ Чехію и находили тамъ сбытъ въ XIV—XV вѣкахъ. Какъ ни маловаженъ съ перваго взгляда отмѣченный нами фактъ, онъ все-таки пополняетъ наше представленіе о древнерусской промышленности и увеличиваетъ сумму нашихъ свѣдѣній о культурной взаимности славянскихъ народовъ.

1) Ferd. Tadra, str. 41.